
КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. ГАНИНА (на примере поэзии 1910—1920-х годов)

Д.В. Кротова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена рассмотрению философско-исторических представлений А.А. Ганина, в частности его концепции революции. На основе анализа лирики Ганина 1910—1920-х гг. реконструируется сложившийся в его сознании миф о революции, раскрывается свойственное поэту сложное, неоднозначное отношение к революционным событиям, анализируются его причины и предпосылки. Рассматривается характерная для мышления Ганина взаимосвязь концепции революции с эсхатологическими мотивами. В связи с анализом исторических взглядов Ганина затрагивается вопрос о соотношении его творчества с рядом явлений литературного процесса рубежа XIX—XX вв. и первых десятилетий XX в., в частности, символизмом и экспрессионизмом.

Ключевые слова: А.А. Ганин, новокрестьянская поэзия, концепции революции в литературе 1910—1930-х гг., «миф» о революции.

Рефлексия философско-исторического плана является одним из наиболее значимых аспектов творчества Алексея Ганина. Жизнь Ганина пришлась на переломную эпоху: Первая мировая война, предреволюционные годы, две русские революции, Гражданская война — все эти драматические изломы в судьбе страны нашли самое непосредственное отражение в его творчестве. Лирика и проза Ганина, начиная со второй половины 1910-х гг. и вплоть до последних произведений пронизаны раздумьями о будущем России, о тех глобальных исторических переменах, современником и свидетелем которых он стал.

Особую значимость в исторической рефлексии Ганина обретает проблема осмысления революции. Ганинская концепция революции многомерна и неоднозначна, и одним из наиболее существенных ее элементов является понимание революционного процесса в универсальных, онтологических категориях. В сознании поэта формируется своего рода миф о революции: происходящее в стране представит как планетарных масштабов битва между силами Хаоса и Космоса, как вселенское противостояние «Зверя» и «Свободы», «Зверя» и «Зари». Особенно ярко означенный спектр метафор реализуется в поэме «Священный клич» (1917), стихотворениях «Вялые ночи бросайте дровами в костры...» (1917), «Братья, плотнее смыкайте ряды...» (1918):

Красную родину черным кольцом
Обвил беснуясь зверь стальнотрубый.
Спящим трубите в громовые трубы:
— Родина сдавлена черным кольцом!

Много отрублено Зверю голов.
В битве великой с чудовищем рьяным
Много легло звездоносцев багряных.
Много осталось у Зверя голов. [1. С. 66—67] (1)

Как явствует из приведенной цитаты, именно те силы, которые противостоят революционному потоку, ассоциируются у Ганина с образом «Зверя», «Хаоса», покушающегося уничтожить «Красную родину». Идея же революционного обновления воспринимается как воплощение грядущей гармонии:

Ярко развеялось Знамя Зари,
Выше вздымайте над пашнями Солнце.
Молотом рушьте железные кольца,
В небе развеялось Знамя Зари. [1. С. 67]

Энтузиазм, с которым Ганин в этот период относился к революционным событиям, разделяли, как известно, многие: так, почти все новокрестьянские поэты, с которыми Ганина связывали и творческие, и дружеские взаимоотношения, первоначально восприняли революцию восторженно. Е. Лундберг вспоминал: «Познакомился у Иванова-Разумника с С. Есениным и А. Ганиным. Поэты. Оба молодые... Революция для молодых — другое, чем для нас. Они не видят ранящих частностей и легче отдаются стихии» [2. С. 56].

Восприятие Ганиным революции (по крайней мере, поначалу) было действительно предельно романтизированным. Помимо того что Ганин мыслил революционный процесс в неких отвлеченно-метафизических категориях, в его сознании идея революции тесно сплеталась с темой поэзии и образом поэта-демиурга. Особенно ярко такое соединение мотивов явлено, например, в стихотворении «Вялые ночи бросайте дровами в костры...», где поэт призывает шествовать за ним «в радостный город Всепетого Света». Именно слово поэта в романтическом восприятии Ганина становится силой, несущей миру революционное обновление, преображение:

Вялые ночи бросайте дровами
в костры,
Душно от Вашего блага
в долинах зеленых.
Только крылатые, с поступью Бури,
с походкой Кометы
Шествуют Млечной дорогой,
вечной дорогой влюбленных,
В радостный Город
Всепетого Света.
За мною,
за мною сквозь Хаос!
Нам Звездные светят
Костры. [1. С. 66]

Тот же круг идей и образов отражается в стихотворении «Братья и сестры — холодные Дети угасшей Земли...», где воплощено предощущение некоего глобального, космических масштабов переворота, который преобразит Вселенную. Силой,

творящей это преобразование, становится именно поэтическое слово и личность поэта-демиурга:

Братья и сестры — холодные Дети
 угасшей Земли,
 Что Вы блуждаете по темным
 долинам?
 В похотях бранных,
 В ветхих одеждах веселья,
 Вскиньте Глаза — потухшие Солнца
 И будьте Богами отныне.
 Вам я принес искупление
 огненным словом, восставший
 из топей земли. [1. С. 76]

Грандиозная сила этого переворота охватит не только всех ныне живущих, но и воскресит мертвых. В сознании поэта возникает грандиозная апокалипсическая картина:

Слышите, Братья? Мертвые встали
 из тесных гробов.
 Пыль под ногами их — огненный
 взлет Ураганов.
 Тучами, тучами алыми мечутся
 крылья в ночи,
 Взорваны кладбища, рухнули трупы
 столетий поганых... [1. С. 77]

Тема поэта-демиурга, своей творческой силой преобразующего мир, безусловно, связывает Ганина с эстетикой символизма. Влияние, которое оказал символизм на творчество Ганина, уже отмечалось в исследовательской литературе: так, Ст. Куняев обращает внимание на тот факт, что Ганин, «видимо, много учился у символистов — у Блока, Белого, Бальмонта — и создал в своей поэзии своеобразный сплав народного и глубоко интеллигентного, модного в те годы символического понимания мира...» [3. С. 13]. Подробное, детальное раскрытие темы «Ганин и символизм» — это, как представляется, задача отдельного исследования. В рамках данной статьи хотелось бы лишь отметить, что та роль демиурга, преобразователя, которая Ганиным отводится поэту, позволяет установить параллели не только с символистской эстетикой в целом, но и с идейным миром композитора А.Н. Скрябина, направление творчества которого тяготеет к символистскому вектору. Мысль о вступлении вселенной в новый этап своего развития, о грандиозном космическом преобразовании, которое произойдет именно при посредстве творца-демиурга, несомненно, связывает Ганина со скрябинскими представлениями. Правда, у Скрябина данная идея не была окрашена социальным пафосом и не сопрягалась с темой революции, как у Ганина.

Создание собственного мифа о революции было свойственно в те годы, безусловно, не только Ганину. Как известно, в сознании А. Блока также существовал

своего рода миф — о революции как торжестве Стихии, варварского начала, сметающего на своем пути старую гуманистическую культуру. Революционная стихия воспринималась Блоком как Хаос, в недрах которого, как казалось поэту, слышится новая гармония, новая музыка. Примечательно, что Ганин при осмыслении темы революции тоже обращался к категории Хаоса, но носителем Хаоса Ганину, в отличие от Блока, представлялся косный старый мир, а силы, несущие обновление, поначалу ассоциировались у Ганина с идеей света и гармонии.

Казалось бы, ганинский миф о революции совершенно исключал негативный аспект восприятия поэтом происходящих событий. Но анализ его творчества доказывает, что это совсем не так. Ганин вовсе не являл собой тип художника, далекого от действительности, погруженного в идеальные миры, созданные его собственным воображением. Восприятие истории, принципы ее осмысления формировались у Ганина ни в коем случае не в отрыве от самих исторических событий, а в процессе самого непосредственного участия в них: в годы Первой мировой войны Ганин был мобилизован и с 1914 по 1916 гг. служил военным фельдшером, а во время Гражданской войны ушел на фронт добровольцем и вновь служил фельдшером в различных госпиталях Северного фронта. Естественно, что при такой биографии отношение Ганина к историческим событиям не могло быть лишь отвлеченно-философским, умозрительным, и его творчество становится ярким тому доказательством — поэзия Ганина, как и роман «Завтра» (1923), свидетельствует о далеко не идеализированном и не однозначном восприятии революционных перемен. Ганин отчетливо осознавал, что радикальные перемены в жизни страны принесут с собой, помимо надежды на грядущую гармонию и всеобщее счастье, много разрушений, крови и несправедливости. Размышления об этом явственно отразились в таких стихотворениях 1916 г., как «Певчий Брат, мы в дороге одни...», «Сойди, сойди огнем, Рассвет!..» и др. В лирике послереволюционного периода подобные настроения находят еще более отчетливое выражение, что ощущается как в стихотворениях этих лет, так и в поэмах: «Былинное поле» (1917—1923) и, даже в большей степени, «Сарай» (1917) — поэме, которая, с точки зрения Н.М. Солнцевой, написана «как бы ради одной фразы — «В кумире дьявол обнаружился» [4. С. 229].

Лирика Ганина 1917—1924 гг. пронизана ощущением бедствия, катастрофы. Эмоциональной доминантой стихотворений и поэм этих лет становится чувство ужаса перед угрозой, которую несет в себе некая дьявольская сила — предельно жестокая, неумолимо разрушительная:

И широко по скатам пашен,
Разнесшись в кличе боевом,
И днем и ночью грозно пляшут
Огонь и Смерть в краю родном.
А по лесам, где пряжи Ночи
Сплетали звездной пряжей сны,
Сверкают пламенные очи
И бич глухого Сатаны. [1. С. 56]

Поэтика послереволюционного творчества Ганина во многом близка сфере экспрессионизма: образы смерти, распада, разложения буквально пронизывают эти тексты. Типичным элементом экспрессионистской поэтики становится и нагнетание антиэстетических, физиологических деталей, нарочито отталкивающих образов, что с наибольшей очевидностью явлено в поэме «Сарай». Тяготение Ганина к экспрессионистской творческой манере оказывается в русле основных тенденций отечественного и европейского литературного процесса первых десятилетий XX века: именно в эти годы экспрессионизм особенно плодотворно развивается как на европейской, так и на русской почве.

Драматическое переживание Ганиным послереволюционной ситуации во многом объясняется разочарованием в результатах революционных перемен. Положение крестьянства в послереволюционные годы не только не стало легче, но и во многом ухудшилось. Естественно, что Ганин, который, как и другие новокрестьянские поэты, был обеспокоен прежде всего именно судьбой русского крестьянства, его положением в стране, его будущим, — не мог не воспринимать происходящее в послереволюционные годы критически.

Еще одна причина для чувства разочарования, столь очевидно сказавшегося в творчестве Ганина послереволюционных лет, заключалась в том, что не оправдались надежды на культурные изменения, которые, как полагали новокрестьянские поэты и писатели, должна была принести революция. Писатели и поэты, вышедшие из крестьянской среды, рассчитывали, что новая общественная ситуация открывает перед ними новые возможности для творческой самореализации, что крестьянская культура будет поддержана советской властью. В действительности же ситуация сложилась прямо противоположным образом: «... все связанное с русской деревней воспринималось новой властью негативно, как проявление «деревенского идиотизма», если воспользоваться известным выражением Ленина. Подобное отношение сохранялось и в последующие времена — достаточно вспомнить печально знаменитую статью Н. Бухарина «Злые заметки» (1927), в которой он впервые употребил слово «есенинщина» [5. С. 53].

Сохранилось заявление, отправленное в Московский Пролеткульт «инициативной группой крестьянских поэтов и писателей» в 1918 г. В этом заявлении говорится: «...мы, поэты и писатели, вышедшие из крестьянских сел и деревень, отражающие их внешний и внутренний мир, не можем спокойно примириться с тем обстоятельством, что мы до сей поры остаемся совершенно в тех же самых условиях, что и во вчерашний буржуазный день, то есть в полной крепостной зависимости от различных частно-издательских фирм, в руках которых и находится подчас судьба почти каждого из нас... Такая ненормальность материальных, а в связи с этим и духовных условий жизни и творчества поэтов, вышедших из крестьянской среды, ставит перед нами неотложную задачу об организации особой крестьянской секции при Московском Пролеткульте, в которую были бы и влиты все уже ныне выявленные творческие силы крестьянства, а в равной мере... могущей в дальнейшей ее работе оказать посильную художественную поддержку молодым художникам, поэтам и писателям, выделенным крестьянской средой»

[6. С. 212]. Заявление было подписано А.А. Ганиным, С.А. Есениным, С.А. Клычковым, Н.А. Клюевым, А.П. Чапыгиным, А.В. Ширяевцем, П.В. Орешиним, П.И. Карповым и другими поэтами и писателями, близкими новокрестьянскому направлению. Как известно, руководство Пролеткульта никак не отреагировало на это обращение, и соответствующая секция внутри Пролеткульта так и не была создана. Естественно, крестьянские поэты и писатели, чувствовавшие не просто равнодушное, а во многом и антагонистическое отношение новой власти к тому культурному пласту, который составлял основу их творчества, не могли не ощущать разочарования в отношении произошедших общественных перемен.

Кроме того, после 1917 г. со всей очевидностью вскрылись расхождения Ганина с революционной идеологией: его оттолкнул слишком явственно выраженный в революции пафос разрушения. Ганин остро ощущал необходимость общественного переустройства, но трактовал эту идею скорее в реформаторском духе, как планомерные изменения, введение новых социальных и трудовых отношений, но не коренной слом всего существующего. Ганину вовсе не был близок свойственный революционной идеологии взгляд на прежнюю жизнь как на нечто не имеющее ценности, подлежащее уничтожению. «Переделать все, — отчетливо выразил революционный пафос разрушения А. Блок в статье „Интеллигенция и революция“. — Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью» [7. С. 11]. Ганину такое представление о дореволюционном прошлом было глубоко чуждо: и его лирика, и роман «Завтра» говорят о том, что в традиционном многовековом укладе русской жизни Ганин видел и несомненную ценность, и мудрость, и красоту, поэтому пафос уничтожения принципиально не был свойственен его сознанию. Именно это, как представляется, в значительной степени и послужило причиной «антибольшевистских настроений» [4. С. 225] в его творчестве, стало основой «неразрешимого конфликта Ганина и большевистской власти» [5. С. 55]. Невозможно не согласиться с утверждением, что Ганин и другие поэты и писатели новокрестьянского направления оказались «поставлены в положение национальных диссидентов с predeterminedной в будущем трагической судьбой» [8. С. 159].

И все-таки с большой долей уверенности можно предположить, что, осмысливая путь исторического развития своей страны, Ганин никогда не испытывал абсолютного разочарования в результатах революционных перемен и к полному отрицанию революционной идеи как таковой он не пришел. Не стоит забывать о том, что в годы Гражданской войны он пошел добровольцем в Красную армию. В протоколе допроса от 17 ноября 1924 г. на следствии по сфабрикованному делу «Ордена русских фашистов» читаем ответ Ганина: «Я не боюсь смерти. Но мне не хочется умирать как врагу власти рабочих и крестьян, с которыми связана вся моя жизнь, все, все лучшее, что есть у меня в душе... Я не хочу быть белогвардейским святым. Ни по опыту всей моей жизни, ни по роду всей моей прошлой работы я органически не могу быть контрреволюционером. Не был и не буду!» [9. С. 168]. Представляется, что нет оснований подозревать в словах поэта наме-

ренную ложь. Мысли, высказанные здесь Ганиным, подтверждаются и его творчеством: рассмотренные нами его стихотворения, в которых выражен душевный подъем, подлинный энтузиазм в связи с революционными преобразованиями, создавались не только до революции, но и в послереволюционные годы.

Характерно, что даже наиболее драматические, насыщенные экспрессионистскими нотами в их самом обостренном звучании стихотворения, отражающие рефлексию поэта по поводу переживаемых страной трагических событий, не оставляют чувства отчаяния и безысходности. Даже в самых страшных произведениях Ганина всегда звучит мотив надежды. Так, в поэме «Сарай» выразителем этого мотива становятся звезды, свет которых в конце концов спасает героя поэмы, подсказывая ему путь прочь от места дьявольского шабаша. А окончание поэмы — образ «неба, беременного красотой» — не оставляет сомнений в том, что тема света и надежды звучит в сознании поэта ярче, чем мотивы зла и отчаяния. Сходным образом выстраивается развитие образного ряда и в других произведениях Ганина, например, в стихотворении «Сойди, сойди огнем, Рассвет!», в заключительных строках которого появляется надежда на преодоление скорби и грядущее воскресение. В последних строчках стихотворения «Гонимый совестью незримой...» (1917—1918) звучит не просто надежда, а твердая вера в то, что «недуг», тяготящий родную страну, будет преодолен.

Видение Ганиным путей исторического развития родной страны, ее будущего было сложным, многоплановым. Ганин был уверен в необходимости общественных преобразований, социальной «организации» (как писал он в романе «Завтра») и действительно полагал, что посредством общественного переустройства можно в какой-то степени достичь этого. В то же время он четко осознавал, что осуществление революционной идеи требует неисчислимых жертв, и не мог не переживать этого трагически. Но так или иначе поэт был полон надежд относительно будущего своей страны, и ему хотелось верить, что тот чрезвычайно сложный и противоречивый период, который претерпевает сейчас его родина, будет вскоре преодолен и сменится следующим историческим этапом, открывающим в жизни страны новые и значительно более счастливые перспективы.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Здесь и далее стихотворения А. Ганина цитируются в авторской орфографии, с соблюдением особенностей авторской строфики и (в большинстве случаев) авторской пунктуации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ганин А.А.* Стихотворения, поэмы, роман / сост., предисл., коммент. С.Ю. Куняева, С.С. Куняева. — Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1991. — 224 с.
- [2] *Карохин Л.* Алексей Ганин — друг Сергея Есенина. — СПб.: Облик, 1999. — 111 с.
- [3] *Куняев Ст.* Жизнь и смерть поэта // Ганин А. Стихотворения, поэмы, роман. — Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1991. — С. 5—30.
- [4] *Солнцева Н.М.* Китежский павлин. — М.: Скифы, 1992. — 431 с.

- [5] *Голубков М.М.* Мешок алмазов. Алексей Ганин и книга о нем // Историк и художник. — 2008. — № 3. — С. 52—57.
- [6] *Есенин С.А.* Собр. соч. В 6 т. Т. 6. — М.: Художественная литература, 1980. — 509 с.
- [7] *Блок А.А.* Интеллигенция и революция // Блок А.А. О назначении поэта: сб. статей. — М.: Советская Россия, 1971. — С. 6—23.
- [8] *Куняев Ст.* Пасынок России / вступит. ст. к публ.: Протокол допроса гражданина Ганина Алексея Алексеевича // Наш современник. — 1992. — № 4. — С. 159.
- [9] Протокол допроса гражданина Ганина Алексея Алексеевича // Наш современник. — 1992. — № 4. — С. 160—169.

LITERATURA

- [1] *Ganin A.A.* Stihotvorenija, pojemy, roman / sost., predisl., komment. S.Ju. Kunjaeva, S.S. Kunjaeva. — Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. — 224 s.
- [2] *Karohin L.* Aleksej Ganin — drug Sergeja Esenina. — SPb.: Oblik, 1999. — 111 s.
- [3] *Kunjaev St.* Zhizn' i smert' pojeta // Ganin A. Stihotvorenija, pojemy, roman. — Arhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. — S. 5—30.
- [4] *Solnceva N.M.* Kitezshskij pavlin. — M.: Skify, 1992. — 431 s.
- [5] *Golubkov M.M.* Meshok almazov. Aleksej Ganin i kniga o nem // Istorik i hudozhnik. — 2008. — № 3. — S. 52—57.
- [6] *Esenin S.A.* Sobr. soch. V 6 t. T. 6. — M.: Hudozhestvennaja literatura, 1980. — 509 с.
- [7] *Blok A.A.* Intelligencija i revoljucija // Blok A.A. O naznachenii pojeta. Sbornik statej. — M.: Sovetskaja Rossija, 1971. — S. 6—23.
- [8] *Kunjaev St.* Pasynok Rossii / vstupit. st. k publ.: Protokol doprosa grazhdanina Ganina Alekseja Alekseevicha // Nash sovremennik. — 1992. — № 4. — S. 159.
- [9] Protokol doprosa grazhdanina Ganina Alekseja Alekseevicha // Nash sovremennik. — 1992. — № 4. — S. 160—169.

THE CONCEPT OF THE REVOLUTION IN A.A. GANIN'S WORKS (on the example of lyrics of 1910s—1920s)

D.V. Krotova

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation, 119991

The article is devoted to the examination of A.A. Ganin's philosophical and historical ideas, in particular, his concept of revolution. Based on the analysis of Ganin's lyrics of 1910s—1920s, the "myth" of the revolution, created in his work, is reconstructed, the characteristic of his complex, ambiguous attitude to the revolutionary events is disclosed, its reasons and preconditions are studied. The typical for Ganin's creativity relationship of the concept of revolution with eschatological motifs is considered. In connection with the analysis of Ganin's historical views is addressed the question of the relation of his work with some literary phenomena of the turn of the century and the first decades of the twentieth century, in particular, symbolism and expressionism.

Key words: A.A. Ganin, village literature of the 1920s—1930s, the concept of revolution in the literature of the 1910s—1930s, "myth" of the revolution.